

Редакция журнала «Историко-экономические исследования» продолжает публикацию на страницах издания работ, поступивших от участников прошедшей 15–16 октября 2015 г. IV Международной научно-практической конференции «Великие экономисты и великие реформы» – «Упущенный шанс или последний клапан?» (К 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.), Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, и выражает искреннюю признательность члену Редакционного совета журнала Юрию Валерьевичу Латову, взявшему на себя труд подготовить к печати работы, представленные в данной рубрике.

УДК 338.24.021.8(09)

ББК 65.03(2)633

DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(3\).415-423](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(3).415-423)

Д. Е. Сорокин

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация

ФАКТОР ДОВЕРИЯ (К 50-ЛЕТИЮ «КОСЫГИНСКОЙ» РЕФОРМЫ)

Аннотация. Если обратиться к официальной советской статистике, то получается, что экономический эффект реформы ограничился одним 1966 г., когда лишь незначительная часть предприятий хозяйствовала по-новому. Автор полагает, что этот эффект был вызван не содержанием «косыгинских» реформ, а тем, что советское общество как бы выдало «кредит доверия» действиям новых руководителей. Этот «кредит» реализовался на производстве через включение организационных резервов, позволяющих устранить накопившиеся к тому времени явные потери от бесхозяйственности, что и повело к «эффекту 1966 г.». Таким образом, доверие граждан к правительству оказывается одним из важнейших

экономических ресурсов. Обретение, сохранение и преумножение такого доверия — не чисто экономическая, а обществоведческая проблема.

Ключевые слова. Доверие к власти, темпы экономического роста, экономическая реформа.

D. E. Sorokin

*Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

THE FACTOR OF TRUST (TO THE 50TH ANNIVERSARY OF KOSYGIN'S REFORM)

Abstract. If we refer to official Soviet statistics, it turns out that the economic effect of the reforms was constrained by only one year — 1966, when only a small quantity of enterprises operated in a new way. The author urges that this effect was not caused by the content of Kosygin's reform, but by the fact that the Soviet society gave too much credibility to new leaders. Such credibility was realized in production by means of organizational reserves inclusion that enabled to eliminate obvious accumulated mismanagement losses which led to the «1966 effect». Thus, citizens' trust in the government is one of the most important economic resources. Acquisition, preservation and increase of such trust are not purely economic, but social problems.

Keywords. Economic reform, economy growth rates, trust to the government.

15–16 октября 2015 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации прошла IV Международная научно-практическая конференция цикла «Великие экономисты и великие реформы». Самая первая конференция этого цикла была проведена два года назад, осенью 2013 г., и посвящалась 80-летию реформ Ф. Д. Рузвельта; вторая и третья прошли в 2014 г. и были посвящены соответственно 290-летию

«Книги о скудости и богатстве» первого российского экономиста И. Т. Посошкова и 110-летию со дня рождения китайского реформатора Дэн Сяопина.

IV конференция цикла «Великие экономисты и великие реформы» носила интригующее название — «Упущенный шанс или последний клапан?». Ее проведение было приурочено к 50-летию так называемых «косыгинских» экономических реформ, направленных на повышение экономической самостоятельности в рамках социалистической хозяйственной системы.

Как известно, в сентябре 1965 г. Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин объявил об официальной государственной реформе. Главными идеями этой реформы, концепцию которой разработал харьковский экономист Е. Г. Либерман, были хозрасчетные 3 «С» — самокупаемость, самофинансирование и самоуправление. В первые годы, как считается, эта реформа давала отличные результаты. Однако уже через несколько лет после введения реформы некоторые внесенные в нее изменения существенно изменили и выхолостили ее общий пафос. Свертывание «косыгинской» реформы, четко обозначившееся в начале 1970-х гг., привело к тому, что в последнее 20-летие своего существования советская экономика функционировала в режиме лишь экстенсивного экономического роста, постепенно проигрывая соревнование «реального социализма» с «реальным капитализмом».

Таково общепринятое представление о событиях, связанных с «косыгинской» реформой. О восьмой советской пятилетке (1966–1970) вообще принято говорить, как о лучшей («золотой») из всех советских пятилеток. При этом отмечается, что успех был обеспечен именно теми методами планирования и экономического стимулирования, которые предусматривались в решениях сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС, принятых по докладу тогдашнего Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Однако данные официальной советской статистики об экономической динамике того периода (табл. 1) заставляют усомниться в некоторых сложившихся стереотипах.

Таблица 1

**Динамика показателей экономической реформы
в 1965–1970 гг.**

Показатель	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Приросты в % к предыдущему году						
Произведенный национальный доход	6,9	8,1	8,6	8,3	4,8	9,0
Объем промышленного производства	8,7	8,7	10,0	8,3	7,1	8,5
Производительность труда в промышленности	4,8	5,2	6,7	5,2	4,8	7,0
Доля промышленных предприятий, работавших по новой системе, %	–	1,5	15,0	54,0	72,0	83,0
Доля промышленной продукции, выпущенной на предприятиях, работающих по новой системе, %	–	8,0	37,0	72,0	84,0	93,0

Здесь и далее составлено по данным статистических ежегодников «Народное хозяйство СССР» за соответствующий год.

Приведенные данные свидетельствуют: действительно, уже в первый год после начала реформ (1966) существенно увеличились темпы экономического роста, измеряемого в то время через объем произведенного национального дохода. Но было ли это результатом начавшихся мероприятий в области новых методов планирования и стимулирования? Ведь объем промышленного производства, где собственно и проводились эти мероприятия, не увеличился (хотя производительность труда росла темпами выше, чем в предшествующем 1965 г.). Это не удивительно, поскольку новые методы хозяйствования затронули в этот период всего 1,5 % промышленных предприятий, выпускавших 8 % промышленной продукции. Естественно, какими бы ни были сдвиги в результатах производства на столь небольшом количестве предприя-

тий, они не могли сколь-нибудь существенно сказаться на динамике роста всей промышленности. Но тогда неизбежно возникает вопрос: за счет чего увеличились темпы роста экономики в целом?

Увеличение темпов прироста промышленного производства в следующем 1967 г. уже может быть объяснено ростом количества предприятий, перешедших на новые условия хозяйствования (15 %) и соответственно значительным (до 37 %) доли промышленной продукции, выпускаемых на этих предприятиях. Однако, если это так, то почему в следующем 1968 г., когда уже более половины промышленных предприятий (54 %), выпускавших более 70 % всей промышленной продукции, работало в новых условиях хозяйствования, темпы прироста производства и производительности труда в промышленности *снизились*? При этом темп прироста промышленного производства оказался ниже, чем в 1965 и 1966 гг., а производительности труда – на уровне 1966 г. При этом произошло снижение темпов прироста и произведенного национального дохода. А в 1969 г., когда уже более 70 % процентов промышленных предприятий, выпускавших почти 85 % промышленной продукции, работало в новых условиях, все названные показатели вообще оказались на уровне или *ниже* дореформенного 1965 г.

Получается, что весь экономический эффект реформы ограничился одним 1966 г., когда лишь незначительная часть предприятий хозяйствовала по-новому.

Представляется, что «эффект 1966 г.» объясняется не результатом новых методов хозяйствования, а другим – внеэкономическим – фактором.

Речь идет о том, что в конце 1964 г. произошла смена руководства страны. Эта смена породила массовое ожидание неких позитивных перемен в общественной жизни. В течение 1965 г. эти ожидания были подкреплены целым рядом решений нового руководства, направленных на развитие экономической самостоя-

тельности, и рядом положительных сдвигов во внешнеполитической сфере, в частности, курсом на преодоление противоречий с Китаем. В результате общество как бы выдало некий «кредит доверия» действиям новых руководителей. Этот «кредит» реализовался на производстве через включение организационных резервов, позволяющих устранить накопившиеся к тому времени потери от бесхозяйственности, порождаемой сложившейся экономической системой, что и повело к «эффекту 1966 г.».

Однако, как отмечают многие исследователи, методы хозяйствования, предлагаемые «косыгинской» реформой, в принципе не могли сработать при сохранении основ советской экономической системы. Их последовательное воплощение в жизнь требовало затронуть ее базовую основу — отношения государственной собственности на средства производства, что в свою очередь неизбежно повело бы к изменению всей системы социально-политических отношений. Тогдашнее руководство страны не могло пойти по этому пути. В результате, чем большее число предприятий переходило на новые методы хозяйствования, тем больше увеличивались диспропорции в финансово-экономической области с одновременным исчерпанием ранее выданного «кредита доверия».

Косвенное подтверждение правомерности именно такого объяснения экономической динамики восьмой пятилетки можно найти, сравнив показатели промышленности и строительства, которое, как известно, не затрагивалось реформой (табл. 2).

Таблица 2

Темпы приростов промышленного производства и ввода основных фондов, % к предыдущему году

Показатель	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Объем промышленного производства	8,7	8,7	10,0	8,3	7,1	8,5
Ввод в действие основных фондов	3,7	6,3	7,8	3,1	9,5	15,4

Из приведенных данных следует, что если темпы прироста промышленного производства в 1966 г. не увеличились, то прирост ввода в действие основных фондов вырос на 70 %, хотя, как было отмечено, с точки зрения методов хозяйствования здесь все оставалось «по-старому». Эта нарастающая динамика сохраняется и в 1967 г. Однако в 1968 г., как и в промышленности, эти темпы начинают снижаться.

Особняком стоит 1970 г., когда промышленность, как бы обретает «второе дыхание», хотя доля предприятий, перешедших на новые методы и доля выпускаемой ими продукции, увеличились незначительно по сравнению с 1969 г. (в строительстве этот эффект проявляется с 1969 г.). Что сработало на этот раз? Может быть эффект внутренней мобилизации в результате произошедшего в эти годы обострения ситуации на западных и дальневосточных границах страны?

Определенным подтверждением тезиса о внеэкономических факторах динамики экономического роста служит динамика произведенного национального дохода в последнее десятилетие СССР (табл. 3).

Таблица 3

**Прирост произведенного национального дохода СССР,
% к предшествующему году**

Годы	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Национальный доход	3,9	4,2	3,2	1,6	2,3	1,6	4,4	2,9	-4,0

1983 г. — это год, когда к власти пришел новый руководитель, Юрий Андропов. Внезапное (хотя и не очень сильное) увеличение темпов прироста национального дохода в этом году может быть вполне объяснено как фактором доверия, так и предпринятыми в том году мерами по укреплению трудовой дисциплины. Когда же в 1984 г. к власти приходит Константин Черненко, олицетворявший в общественном сознании так называемую «эпоху застоя», темпы прироста вновь падают.

1985 г. — снова к власти приходит новое лицо, Михаил Горбачев, резко разрывающий с «застойным периодом». И хотя еще никаких изменений в системе экономических отношений не произошло, фактор доверия к новому руководству опять выражается в увеличении в следующем 1986 году темпов экономического роста.

1987 г. — год дискуссий и неопределенностей. Темпы вновь снижаются. Однако принятие целого рода достаточно радикальных экономических решений (об индивидуальной трудовой деятельности, о кооперативах, о предприятиях) вновь «включают» фактор доверия, что выражается в резком увеличении темпов в 1988 г.

Конечно, фундаментальной причиной дальнейшего вползания в экономический кризис явилась принципиальная неспособность экономической системы к саморазвитию. Однако то, что переход к новой экономической системе сопровождался не трансформационной рецессией, а экономической катастрофой 1990-х гг. объясняется именно утратой общественного доверия к руководству страны и, как следствие, отторжением любых (даже самых разумных) решений. Только на таких общественных настроениях к власти могли придти сторонники «радикальных мер», повлекших известные — «не очень» позитивные — экономические последствия.

Ныне, когда экономическая динамика России указывает, что ее негативный тренд является результатом не стечения конъюнктурных обстоятельств (падение нефтяных цен, «война санкций»), а порождена фундаментальными свойствами сложившейся экономической системы, общество вновь стоит перед необходимостью достаточно глубокого ее реформирования. Без общественного доверия к тем, кто будет осуществлять эти реформы, они обречены на неудачу. Именно фактор доверия способен привести в действие те резервы, которые лежат «на поверхности», что позволит, с одной стороны, получить ресурсы для смягчения возможных негативных моментов в ходе реформирования. С другой

стороны, он помогает выиграть время для того, чтобы начали проявляться позитивные результаты реформ.

Проблема обретения такого доверия — не «чисто» экономическая, а обществоведческая. Требуется интеграция наших знаний об обществе, как целостности, чтобы предложить соответствующие механизмы. Сейчас же ясно одно: постоянно повторяемый тезис о необходимости ради «светлого будущего» пойти на «непопулярные реформы», превратившийся у некоторых представителей экономических властей и экспертов в мантру, вряд ли работает на то самое общественное доверие, которое является абсолютно необходимым фактором успеха любых реформ.

Информация об авторе

Сорокин Дмитрий Евгеньевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, проректор по научной работе, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: dsorokin@fa.ru.

Author

Sorokin Dmitry Evgenievich — D.Sc. in Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Vice-Rector for Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Avenue, 125993, Moscow, Russian Federation, e-mail: dsorokin@fa.ru.

Библиографическое описание статьи

Сорокин Д. Е. Фактор доверия (К 50-летию «косыгинской» реформы) / Д. Е. Сорокин // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 415–423. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(3).415-423.

Reference to article

Sorokin D. E. The factor of trust (to the 50th anniversary of Kosygin's reform). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 415–423. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).415-423. (In Russian).